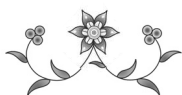

Марина Индиви

Возлюбленная Верховного Бестиара

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
И60

Индиви, М.

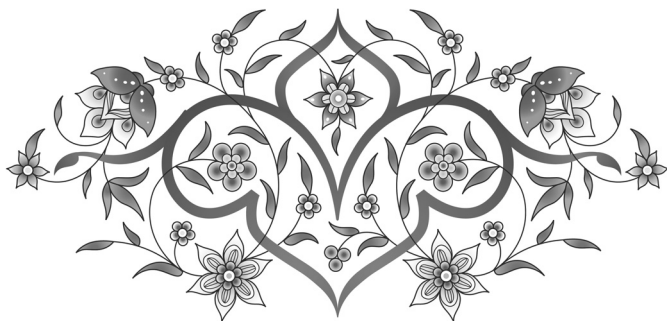
И60 Возлюбленная Верховного Бестиара / М. Индиви. — М. :
RUGRAM, 2025. — 380 с. — (Бестиары).

Я уже не та наивная девушка, когда-то беззаветно влюбленная в Богдана Велимирского. После раскола Лазовии на два суверенных государства он правит своей частью некогда единой державы. Я знаю о его жизни все, потому что я - фаворитка Верховного бестиара, его секретное оружие. Но все изменится, когда под угрозой войны с соседними странами дядя и племянник снова сядут за стол переговоров. Когда-то разлука с Богданом изменила меня до неузнаваемости. Но что со мной сделает его близость?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Индиви М.,
текст, дизайн иллюстраций, 2025
© Абрамова Е., обложка, 2025
© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13073-0

Глава 1

Алина

— Мамочка, мамочка, смотри, какая красивая!

Дочь бежала ко мне, показывая на раскрытых ладонях водяную лилию. Казалось, шесть лет должны были напрочь стереть из моей памяти воспоминания, оставшиеся в прошлом. И этот пруд, из которого я вытаскивала тонущую княжну, и все, что последовало за этим, но они остались. Правда, померкли, как чернила на письме многолетней давности. Словно все это было не со мной.

— Невероятно красивая, — подтвердила я, глядя на цветок, который дочь показывала мне. Снежана была бы моей точной копией, если бы не глаза. Темные, как ночь, что делало ее внешность немного колдовской, если не сказать пугающей. Что, впрочем, меня по большей части радовало.

В том самом затертом прошлом я бы никогда не порадовалась, если бы боялись моего ребенка или меня, сейчас же это было вполне естественно. Я привыкла к шепоткам за спиной, к попыткам меня отравить (всю еду и напитки я лично проверяла магией), к тому, что за этим следовало. Мне было все равно. Даже тогда, шесть лет назад у меня была цель. Сейчас и от нее осталось нечто весьма эфемерное.

Померкшее, как те самые выцветшие чернила.

— Ма-а-ам, — дочь вскарабкалась ко мне на колени, и я обняла ее, устраивая поудобнее. Легкий ветерок подхватил ее волосы, пощекотал ими мою руку в небрежной ласке. — А можно я сегодня не буду заниматься музыкой?

— Нет. Нельзя.

— Но ма-а-м...

— Снежана. — Мне достаточно было всего лишь спокойно сказанного имени, чтобы дочь притихла и надулась.

Скамейка, на которой мы сидели, стояла в тени, и только так можно было укрыться от жары, на которую это лето оказалось бесконечно щедрым. Столь же знойным, сколь лютой была зима, когда на свет появилась моя Снежана. Я назвала ее в честь той ночи, когда она родилась: выжженной, непроглядной, обжигающе морозной. Ночи, когда я в последний раз вспоминала ее отца, мысленно повторяя его имя снова и снова, словно он мог услышать меня и прийти.

Но, разумеется, он не услышал и не пришел. К тому времени Богдан уже женился на Анне, Лазовия находилась на грани раскола, а Снежана родилась раньше срока. Просто потому, что я узнала о том, что Анна тоже беременна.

Моя магия, подарившая мне столько преимуществ, не исчезла с рождением дочери, и это стало нашим спасением. Без магии я бы не смогла осуществить все то, что задумала. Без магии я бы не стала той, кем я стала. Без магии я бы уже раз двести была мертва.

От собственных мыслей меня отвлек хлопотающий звук. Я вернулась в залитый солнечным светом парк и поняла, что Снежана сбросила лилию на гравий: помятый цветок, опрокинутый навзничь, лежал у моих ног.

— Ты сорвала ее, чтобы выбросить? — спросила я.

— Она мне больше не нужна! — капризно заявила дочь.

— Еще несколько минут назад ты называла ее красивой.

— Я не хочу заниматься музыкой! Эта Татьяна такая противная! И бьет меня по пальцам указкой, когда я неправильно играю ноты. — В глазах дочери заблестели слезы.

— Что? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева. — Она тебя бьет? Почему ты не сказала об этом раньше?

— Потому что она сказала, что иначе я никогда не научусь красиво играть.

— Я поговорю с ней, — глядя дочери в глаза, произнесла я. — Если все так, как ты сказала, она больше никогда не будет тебя учить. А теперь подними лилию, цветок не виноват в том, что тебе больно. Вернемся во дворец и поставим его в воду.

Снежана тут же спрыгнула с моих колен и снова взяла цветок в руки. Отряхнув его лепестки от гравийной крошки, пробормотала:

— Прости, — и прижала лилию к груди. Осторожно, как драгоценность.

Слуги, ухаживающие за прудом, один из них как раз срезал цветок для моей дочери, смотрели на нас. Я чувствовала их взгляды всей кожей, привычно за все эти годы, но, стоило мне поднять голову и глянуть в их сторону, как все тут же уставилось в землю. К этому я тоже привыкла.

— Прошу прощения.

Засмотревшись на них, я не заметила появления лакея, который пришел со стороны дворца. С обращениями ко мне были проблемы. Поскольку во дворце я была чуть ли не второй персоной после Михаила, обращаться ко мне как к простой девице не рисковал никто. Но и княжной я тоже не являлась, поэтому слуги предпочитали начинать разговор исключительно подобным образом. Алиной меня

теперь называли лишь те, кому я позволяла и те, кому доверяла. Насколько это возможно.

Повернувшись к нему, я вопросительно вскинула бровь:

— Вас хочет видеть Верховный, — тот склонил голову. —

Говорит, это срочно.

— Хорошо, — я поднялась, дала руку дочери. — Снежана.

— А я сегодня увижу папу? — запрокинув голову, она вопросительно посмотрела на меня. Ее пальчики дрогнули в моей ладони, или это моя ладонь дрогнула?

Для всех Снежана была дочерью Михаила. Даже для него самого.

— Посмотрим, милая.

Мне было не привыкать ходить быстро, но сейчас лакей торопился так, будто спешил на пожар. Еще и все время оглядывался, словно боялся, что мы испаримся или убежим. Снежану я оставила на попечение няни, одной из тех, кому я доверяла достаточно, чтобы доверить дочь. После чего дворцовые коридоры, анфилады, по которым я сейчас могла ходить с закрытыми глазами, привели меня в кабинет Верховного.

Первый раз я переступала порог кабинета Михаила в Летнем дворце с дрожью во всем теле. Второй раз было проще. Сейчас же я шагнула в него, как в любую из комнат, едва взглянув на спешно поднявшегося секретаря.

Слуги затворили за мной двери, и Михаил обернулся. Время почти не властно над бестиарами, вот и сейчас он выглядел едва ли старше того дня, когда мы с ним впервые встретились. Разве что стали в волосах теперь было больше. Он выглядел раздраженным, и он был в ярости, я чувствовала это благодаря магии, как если бы он сейчас мне в этом исповедовался.

— Проходи, — Верховный кивнул на кресло, — располагайся.

— К чему такая срочность?

— Сейчас все узнаешь.

Узнала я гораздо быстрее, чем ожидала. Едва успела сделать шаг, как двери в кабинет распахнулись снова. К кинжалам взглядов я привыкла, но не ко всем. Некоторые ощущались особенно остро, вот как сейчас. Обернувшись, я на миг утратила дар речи, чувствуя, как сердце в груди замирает и становится куском льда.

Потому что прямо напротив меня стоял Богдан.

В каких-то нескольких метрах. Сейчас это расстояние казалось для меня столь же коротким, как один шаг. Я провалилась в наше прошлое быстрее, чем успела себя остановить, снова чувствуя себя влюбленной девчонкой. Беззаветно, бесконечно, наивно. Верящей в то, что у нас все получится, и столь же безжалостно отрезвленной.

Уже в настоящем. Ледяным взглядом.

В нем было столько ненависти и презрения, что в них можно было утопить всю Лазовию, обе части некогда великой державы. Что уж говорить об одной хрупкой женщине, но именно сейчас я вспомнила, что больше ей не являюсь. Я больше не та юная девочка, а он — не тот, кого я любила. Не тот, кто достоин моей любви.

Поэтому взгляд я вернула ему сполна, не без наслаждения отметив, как полыхнули его глаза. Бездной.

Я бы спросила у Михаила, зачем я здесь, но мне и без того все было ясно. Его игры и самого Верховного я знала, как свои пять пальцев. Он наслаждался интригами, наслаждался причиненной им болью в той же мере, как и своей властью. Для него первое было неотделимо от второго, а второе — от первого, и еще одной его слабостью была

мечь. Сейчас это была мечь Богдану за то, что однажды он посмел меня у него забрать. Как ему это удалось, я не знала, да и зачем? Ему точно так же просто нужна была игрушка, от которой он с легкостью отказался ради своей Анны.

— Прощу, располагайтесь. — Даже ярость и раздражение сейчас уступили в его голосе место удовлетворению и самодовольству. Что в очередной раз подтвердило: я в своих выводах не ошиблась.

Я опустилась в кресло рядом со столом Верховного, не обращая внимания на оставшегося за моей спиной мужчину. Несмотря на то, что могло показаться, что я вовсе на него не смотрела, я уловила все. То, насколько резкими стали его черты, насколько мощнее стала фигура. Богдан всегда отличался мужественностью, но сейчас я видела перед собой мужчину, которого мне еще не доводилось знать.

Зачесанные назад волосы, едва достающие до широких плеч. Жесткая линия подбородка, опущенные углы губ, пока еще едва заметная морщинка между бровями.

Я словно впитала его новую внешность в себя, чтобы запечатлеть в никогда не написанной картине.

— Зачем она здесь? — Богдан задал вопрос, который не задала я.

Словно мог ударить еще большее своим пренебрежением и разговором обо мне в третьем лице, как если бы я их не слышала или была мебелью.

— Алина поднимает мне настроение, — заметил Михаил. — На всех важных переговорах. Насколько я помню, между вами тоже осталось множество приятных моментов. Или ты не рад ее видеть?

— Я предпочел бы, чтобы ее здесь не было, — холодно произнес Богдан.